

Проблемы теологии в современной России: теоретико-исследовательский и образовательный аспекты.

В конце XVIII века великий Кант, в своем трактате «О споре факультетов», размышляя о положении теологического и философского факультета в университете, писал: «Так могло бы наступить время, когда последние стали бы первыми (низший факультет высшим), правда не в смысле господства, а в смысле дачи советов властям (правительству); в этом случае свобода философского факультета и вытекающая отсюда свобода воззрений будет лучшим средством для достижения целей правительства, чем его собственный абсолютный авторитет» (2, с. 333).

Прошло чуть более двух веков и ситуация изменилась с точностью до наоборот. – И сегодня теологическому факультету надо доказывать свое право на жизнь, соответственно свою пользу и нужность обществу и человеку. И в этом, видимо, есть своя польза, – эта ситуация дает возможность понять, зачем нужна теология и теологическое образование в нашей стране?

Начнем с теологического образования, которое реализуется сегодня в системе высшего образования России. Это сравнительно недавно созданная форма высшего профессионального образования в России, в отличие от Западной Европы, где теологическое образование в университетах существовало со дня появления самих университетов.

В России богословское и светское образование с начала XVIII в. разошлись. С одной стороны, по историческим и социальным обстоятельствам были организованы специальные духовные учебные учреждения: училища, семинарии, академии, которые предназначены для подготовки священников. Учреждения были закрытыми, как правило, в них учились дети из духовного сословия.

При этом, на протяжении всего синодального периода духовные учреждения не были узко ведомственными учебными заведениями – они готовили кадры для многих социальных сфер России: и для государства, и для образования всех уровней – от высшего до народного, и для других сфер.

С другой стороны создавалась светская система образования, представленная также разного рода учреждениями: Академия, университет, гимназия, профессиональные школы, корпуса, народные училища и т.п.

С учреждением Московского императорского университета, изначально не имевшего теологического факультета, и преобразованием Славяно-греко-латинской академии в Московскую Духовную Академию пути светского и духовного образования в России окончательно разошлись, за некоторым исключением, – например, Варшавский университет имел теологический факультет.

Семинарии, да и академии, и не без основания, упрекали в несовершенстве их работы. Но надо отдать должное: в них все время шла дискуссия о качестве образования и уровне подготовки будущего священника, и они все время реформировались, и почти всегда соответствовали высоте своего служения. И семинарии, и особенно академии, почти всегда давали широкое образование, достаточное для того, чтобы не только служить священнослужителем, но и чтобы успешно работать на различных поприщах государственной, научной, и особенно преподавательской деятельности, что свидетельствовало о качестве и широте духовного образования.

Духовные учебные учреждения упрекали и в том, что далеко не все выпускники стремились принять священнический сан. Но на самом деле это было достоинством этих учебных заведений: сан принимали те, кто действительно хотел служить. Говоря же о процессе перехода выпускников духовных школ в различные ведомства, нельзя забывать и о том, что со второй половины XIX века начался и обратный процесс, выпускники светских учебных заведений поступали в духовные академии, нередко и принимали священство. Среди них был философ Вл. Соловьев, будущий патриарх Алексей I (Симанский), священник Павел Флоренский и др.

Высокое качество нравственного воспитания, даваемого в этих образовательных учреждениях, с особой очевидностью подтверждено в годы советской власти: тысячи и тысячи выпускников этих учреждений приняли мученический и исповеднический крест, крест жертвенного служения. И только единицы оказались изменниками.

В начале XX века на разных уровнях, в том числе и государственном, обсуждался вопрос о придании семинариям статуса высшего учебного заведения. Но решить эту проблему не успели. После революции профессиональное духовное образование было полностью ликвидировано. Возобновлено во время Великой Отечественной войны. А его полноценное развитие началось после празднования 1000-летия Крещения Руси. За это время восстановлены и вновь открыты многие духовные образовательные учреждения. Важнейшее достижение последних лет – создание общецерковной аспирантуры и докторантуры.

В то же время до революции ставилась проблема высшего богословского образования, подготовка специалистов – богословов, имеющих светское образование. В начале XX века целый ряд крупных мыслителей России поставил проблему организации теологических факультетов в государственных университетах. Поэтому как живая и правильная – эта идея все равно вернулась в жизнь, – с середины 90-х годов в вузах постсоветских государств стала открываться подготовка по специальности «теология».

Поэтому сегодня требуется глубокое теоретическое осмысление вопроса: зачем нужно это направление профессиональной подготовки в системе профессионального образования в России? В чем вообще его миссия?

Анализ содержания общественных дискуссий по этой проблеме показывает, что по сути дела, все дискуссии сводятся к одному вопросу: можно ли ввести эту специальность в современные российские вузы или нельзя. При этом основной довод противников её введения сводится к тому, что теология – это не наука, а потому ей нет места в вузах. Сторонники же теологии чаще всего прибегают к не менее убедительному аргументу: в западных университетах теология есть, а чем мы хуже?

Второй аргумент в пользу открытия теологии состоит в том, что в рамках этого направления будут готовить учителей основ православной культуры, потому что сегодня в силу светскости нашего образования подготовку учителей и пастырей приходится развести по разным ведомствам: пастырская подготовка остается в ведении Русской Православной Церкви, а теологическая – Министерства образования и науки РФ.

Однако подход, сводящий проблему организации теологического образования к решению конкретной практической задачи, при всей его правомочности недостаточен, так как он не определяет миссию теологического образования.

Следует упомянуть и еще о двух идеях, относящихся к теологическому образованию: некоторые ученые полагают, во-первых, что эта специальность вообще должна готовить кадры для Церкви; во-вторых, Церковь должна контролировать эту специальность, и особенно теологические кафедры, ибо в противном случае теологическим кафедрам грозит перерождение в атеистические кафедры.

Правда, простое размышление заставляет усомниться в этих идеях. В самом деле, если государство готовит кадры для Церкви, то при всей очевидности интереса Церкви в этом деле, не видно интереса самого государства в этом процессе. А если государство готовит кадры для Церкви только потому, что оно чем-то обязано Церкви, то не проще ли государству перевести какую-то сумму денег Церкви, чтобы Церковь сама готовила себе кадры, а государство не утруждало себя этой проблемой, тем более, что Церковь сама лучше подготовит для себя кадры, нежели такая надежная, но все-таки посторонняя организация, каковым в данном деле является государство.

Еще больше возражений вызывает второй тезис – о контроле. Невозможно представить, чтобы кто-то заявил: государство обязано контролировать науку, потому что в противном случае наука впадет в атеизм или (в советском варианте) – в религию. Ну и что скажут ученые? Хорошо известно, что свобода научного поиска стала не только теоретической идеей, но и повседневной практикой уже с XVII века. И более того, там, где эта практика нарушалась, деградация науки была обеспечена. Вспомним судьбу науки в Советском Союзе. Давало государство науке свободу – и наука взлетала до мировых высот. Начинало контролировать какую-либо область – от философии до генетики – эта область очень быстро деградировала или разрушалась. Поэтому если Церковь хочет повторить печальный опыт советского государства, то она должна контролировать теологию.

Хотя, почему только государства? Ведь и самой Церкви нигде и никогда не удавалось ничего решить что-то за счет одного, даже системного контроля. Более того, ужесточение контроля, как правило, становилось такой плотиной, которая, рухнув, потом хоронила и контролеров. В этой связи хотелось бы напомнить, что известная охранительная политика К.П. Победоносцева, подавлявшая свободу мысли в православии, вплоть до запрета богословских собраний в Санкт-Петербурге в начале XX века, привела только к еще большему расхождению православия и интеллигенции, к отчуждению части интеллигенции от православия.

Поэтому надо изначально понять, что если православная теология не может защитить свои позиции в открытой теоретической полемике, то это означает только одно: православная теология – это безжизненное явление, так как она не в состоянии отвечать на жизненные вопросы.

Конечно, контроль необходим. Но, во-первых, контроль должен быть адекватен системе, и во-вторых, главный механизм развития системы – это не контроль, а имманентное развитие самой системы, в данном случае имманентного развития самой теологии в решении ее фундаментальных проблем. Поэтому не о контроле Церкви над теологическим образованием следует думать сегодня, а понять его миссию, его место и значение в общероссийском ментальном пространстве и российском образовании. И поняв эту миссию, решить вопрос о позиции Церкви и государства в развитии этой специальности.

Попробуем понять миссию теологического образования в нашей стране поняв миссию теологии, а для этого ответим на два вопроса: предмет теологии и метод её исследования. Для этого соотнесем теологию с современной наукой.

Что представляет собой современная наука по предмету, и по методу? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны указать на два принципиально важных события в развитии науки.

Первое событие связано с Галилеем. Видимо, самое главное, что символизирует собой Галилей – это ответ на вопрос: есть ли у ученого право свободного поиска, и даже от такой серьезной организации, какой была в XVI в. католическая церковь. Позиция Галилея была следующей: я верующий человек, но в науке позвольте мне видеть мир таким, каким я его вижу. И вот он делает открытия, которые в тогдашнее католическое мировоззрение не вписываются. И тогда известные ученые Европы потребовали от Папы Римского, чтобы он заставил Галилея привести свое учение в соответствие с католическим мировоззрением.

Формально спор решился в пользу Церкви. Но по существу наука становилась все более независимой от католического, а потом и протестантского мировоззрения. И наука со временем добилась свободы от Церкви, как ещё раньше свободы от Церкви добились западноевропейские государства. Так в Западной Европе, начиная с XVI в. наука начала становится все более независимой от религии.

Второе важнейшее событие – Декарт. Его важное научное открытие, ставшее определяющим для науки – возможность изучения материального мира самого по себе, без участия Бога, так, как «если бы мир развивался сам по себе». Да, Декарт не отрицает того, что есть Бог. Напротив, значительная часть его трудов посвящена доказательству Его бытия. Он только говорит о возможности развития мира без Бога и в своих работах такое исследование осуществляет. Он пишет в своем трактате «Рассуждение о методе»: «Чтобы иметь возможность более свободно высказывать свои соображения, не будучи обязанным следовать мнениям, принятым учеными, или опровергать их, я решил предоставить весь этот мир их спорам и говорить только о том, что произошло бы в новом мире, если бы Бог создал теперь где-либо в воображаемых пространствах достаточно вещества для его образования и привел бы в беспорядочное движение различные части этого вещества так, чтобы образовался хаос, столь запутанный, как только могут вообразить поэты, и затем, лишь оказывая свое обычное содействие природе, предоставил бы ей действовать по законам, им установленным. Таким образом, я прежде всего описал это вещество и старался изобразить его так, что в мире нет ничего, по моему мнению, более ясного и

понятного, за исключением того, что уже сказано было мною о Боге и душе» (1,с.275). «Я показал, как горы, моря, родники и реки могли образоваться естественным путем, металлы - появиться в недрах Земли, растения - возрасти на полях и вообще как могли возникнуть все тела, называемые смешанными и сложными» (1,с.276). «Однако я не хотел из всего этого сделать вывод, что наш мир был создан описанным мною образом, ибо более вероятно, что Бог с самого начала сотворил его таким, каким ему надлежало быть» (1,с.276).

Так Декарт фактически определил предмет европейской науки – мир, природа – сами по себе, а Бог сам по себе. Естественно, мир изучает наука. Оговоримся еще раз, реально большая часть трудов Декарта посвящена Богу и человеческой душе. И все-таки возможность построения научного знания вне соотнесенности его с Богом им сама была обоснована. И гипотеза не лишенная своего смысла – такой подход значительно упрощал познание мира. Он сделал мир удобным для изучения, так как мир можно было исследовать, не принимая в расчет Бога.

И Декарт же ввел новый, научный метод изучения природы, метод, который можно назвать аналитико-функциональным. Этот метод сводит любой предмет, явление, вещь к их простейшим элементам и функциям, а потом, если это возможно, реконструирует их (прежде всего теоретически), к их целостности. Так в XVII веке наука наша свой предмет, свое пространство познания и свой плодотворный метод его изучения. В результате очень скоро – в течение буквально двух веков – наука стала обходиться без Бога. И не только естественная наука. Но и гуманитарная. Душу успешно заменили психикой.

Но как это и бывает – нет науки самой по себе. Дальше стало формироваться мировоззрение, идеология, общественные науки, которые стали обещать счастье человеку, при условии если люди перестанут обращаться к Богу. И люди поверили. «Бог умер!» – в конце XIX века объявил Ницше. И тем самым допущение Декарта стало не только реальной научной практикой, но и непосредственным реальным мировоззрением. Действительно, сегодня, не только удобно считать, что Бога нет, но и жить так, как будто Бога нет. Жить во всем: и в профессии, и в общении, и в повседневной жизни.

Но попробуем понять, насколько Декарт был прав в определении предмета и метода науки. Безусловно, нельзя отрицать правомочность предложенного им подхода, позволившего европейской науке стать плодотворной формой теоретического сознания, а затем и практической непосредственной материальной производительной силой.

А реальная теоретическая и практическая значимость науки постепенно превратила ее и в важнейшее средство образования.

Однако такой подход – и это известно уже с XVIII века – имеет существенный изъян: отсутствие целостного познания реальности. Это чувствуется уже на уровне естествознания. Но это становится просто очевидным на уровне объяснения мира в целом, на уровне объяснения человека и общества.

При этом ошибочность атеистического подхода обнаруживается и на теоретическом, и на практическом уровнях.

Во-первых, объясняя развитие мира без участия Бога, наука так и не доказала, что Бога нет. Напротив, есть бесконечное число теоретических доказательств бытия Божия. Но нет ни одного серьезного теоретического доказательства Его небытия.

Во-вторых, и практика доказывает, что Бог есть. Как доказывает истину своих постулатов ученый? Он проводит эксперимент, а там, где эксперимент невозможен, он приводит достаточную совокупность примеров, подтверждающих его гипотезу. Это происходит, например, при объяснении и природных явлений, и особенно общественных. Ученый говорит – при наличии таких-то и таких-то факторов, происходят такие-то и такие-то явления. И если последующее событие подтверждает выводы ученого, то это говорит о правильности теоретических построений ученого.

Теперь давайте, задумаемся о следующем факте, а может эксперименте, поставленном в России в XIX–XX вв. Как известно в XIX веке российское образованное общество раскололось в своём видении будущего России на два больших лагеря. И важнейшими пунктами расхождения были вопросы православия и самодержавия: были ученые, которые доказывали, что отвергнув православие и самодержавие, Россия добьется огромных успехов в своём развитии, а самое главное, люди будут по-настоящему счастливы.

Напротив, были ученые, философы, мыслители, богословы, которые доказывали, что отказ от веры и разрушения самодержавия приведут Россию к невиданным жертвам, а то и просто к гибели страны.

Кто же оказался прав в своих прогнозах? Наверное, если быть честными, то все-таки мыслители от И.В. Киреевского и митрополита Филарета до Д.И. Менделеева и Иоанна Кронштадского оказались более правы, чем деятели от В.Г. Белинского и В.И. Ленина. Сводить же всё к банальному рассуждению, что деятели первого направления все случайно угадали, а вторые столь же случайно ошиблись, это значит оказаться вне науки, потому что тогда сама наука оказывается чем-то случайным: получилось – наука; не получилось – ну, это была случайность.

Итак, сторона, исповедующая религиозный подход к пониманию действительности оказалась права потому, что она изначально учитывала в своём анализе и прогнозе те группы факторов бытия общества и человека – духовные и нравственные, без учета которых невозможно правильно понять и спрогнозировать их развитие. Соответственно, для адекватного понимания мира необходимо признать в нём наличие не только материальной, но и духовной составляющей, а значит, необходимо постигать мир, как духовно-материальный мир.

Насколько жизненно важное значение для благополучного бытия общества имеет духовное начало, можно понять из факта, который хорошо прослеживается в истории многих больших народов и особенно крупных цивилизаций. Все крупные цивилизации ушли из истории в силу саморазрушения. При этом их разрушение начиналось с духовной коррозии.

Особенно хорошо связь между духовным неблагополучием и нравственным падением, а затем и социальными бедствиями прослеживается в Ветхом Завете. Но и огромная религиозная, философская, историческая, правовая, художественная литература многих народов мира фиксирует факт теснейшей взаимозависимости между духовным, а затем и нравственным падением, и последующим наказанием человека, семьи, сословия, народа.

В то же время анализ развития общества с точки зрения его духовного состояния показывает, что духовно-нравственная устремленность, духовная энергия не только преодолевают неблагополучие общества, но они выводят общество на новый уровень развития. Об этом, например, свидетельствует Русь второй половины XIV–XV вв. или выход России из смуты начала XVII вв.

Чтобы уяснить значение духовного пространства, надо указать и на следующий факт, переоткрытый современной наукой, но известный уже в Древнее время: война имеет несколько уровней. Ее вершиной является горячая война. В глубину уходят все менее заметные, но более значимые уровни: торговые, дипломатические и т.д. А в основе пирамиды лежит духовная война.

Поэтому самым главным в успехе войны является разрушение духовно-нравственной сферы противника. Если она разрушена, то другие уровни войн, в том числе и горячая война, зачастую не нужны. Противник, с разрушенной духовностью либо просто зачищается, либо ассимилируется.

Сегодня число уровней войны значительно расширилось. При этом возросло число духовных уровней войн – это информационные, организационные, идеологические, ценностно-смысловые, мировоззренческие войны и т.д. Святейший Патриарх Кирилл, говоря об этих войнах, в частности на Всемирном Русском Народном Соборе 2012 г. сказал: «Сегодня, когда на смену физическим сражениям пришли информационные войны, когда не первое место выдвигается борьба за души людей, мы не должны забывать о существовании священных рубежей, за которые нельзя отступать, тех рубежей Отечества, на защите которых мы должны стоять так же непоколебимо, как стояли наши прадеды на Непрядве, под Бородино или в Сталинграде» (4).

Следовательно, для любого общества столь же важно познание духовного пространства бытия общества и человека, как и познание законов материальной жизни. Общество может погибнуть не только потому, что у него нет защиты от ядерной бомбы противника, но и потому, что его собственная бомба будет взорвана внутри страны каким-нибудь обезумевшим инженером или военным. Инструментом уничтожения государства может быть не только противное государство, но и народ внутри самого государства. После развала СССР этот вывод, по крайней мере в нашей стране, не нуждается в доказательстве.

Поэтому когда люди, выступающие от имени науки, требуют в изучении человека и общества отказаться от изучения духовного пространства, то это условие делает также невозможным адекватное познание общества и человека, как невозможно правильное познание Вселенной, если от ученого, разрешив ему изучение Вселенной, требуют исключить познание ее законов.

А это ведет к тому, что мир, человек и общество не могут быть правильно поняты. Например сегодня самые серьезные ученые признаются, что психология потеряла человека, а педагогика – ребенка. И это не красное словцо, а самая настоящая правда: современная наука, отказавшись от изучения духовной сферы человека не может понять человека. И это закономерно, потому что она изначально не изучает те явления, которые характеризуют в человеке то, что и является собственно человеческим началом в человеке, то что делает человека человеком, а социум – социумом, подобно тому как жизнь делает живой организм живым.

Итак, ценой современного научно-технического прогресса в буквальном смысле стал отказ человека от своего человеческого начала. Фантастические рассказы, повести, романы о продаже души темным силам стали реальностью в Новое время. Человек отказался от самого себя, даже не понимая этого. И он потерял себя даже на уровне теоретических исследований. Это действительно превосходит масштабы и представления любой, даже самой смелой научной фантастики.

Какая же форма познания может заниматься этой реальностью, если наука декартовского направления изначально ограничила себя изучением мира материального, если она изучает мир так, как будто в нём нет Бога, если она изначально отвергает изучение духовного пространства мира и общества?

Такой формой познания является теология, изучающая всю полноту духовного и материального бытия мира. В этой связи уместно поставить вопрос: если теология может познавать мир в его целостности, значит общество должно развивать теологию также, как оно развивает науку? В противном случае мы получаем инквизицию наоборот. В самом деле, плохо, когда преследовали ученых, потому что они не вписывались в то или иное вероучение. Но чем лучше инквизиция наоборот: то есть преследование деятелей, работающих в рамках религиозного мировоззрения, только потому, что они работают в пространстве этого мировоззрения?

Итак, предметом изучения теологии является целостное познание мира, в том числе общества и человека в единстве их духовного и материального существования. При этом познание духовной сферы – это не только познание Бога и религиозной жизни общества и человека, но познание всего духовного пространства бытия человека и общества, что включает в себя духовную и нравственную сферу человека и общества; сознание и самосознание человека и общества; мировоззрение и идеологию; информационную сферу; ценностно-смысловую и мотивационную составляющую бытия социума и человека и т.д.

Исходным началом духовного пространства для человека выступает сфера взаимодействия человека и социума с Богом, то есть сфера религии. Реальное взаимодействие человека и социума с Богом осуществляет Церковь. А значит Церковь – это не только хранилище традиций, но нечто живое и живущее, то что органично развивается в истории, то, что нужно всему обществу, нужно каждому человеку. Поэтому религиозная, духовная жизнь человека и социума – это такая же реальность и такая же абсолютная необходимость, как труд и производство, как познание и наука, а все духовное пространство – сфера познания теологии.

Не менее важной стороной теологического познания является сфера нравственности, которая самым прямым и непосредственным образом связана с духовностью, со всей полнотой религиозной жизни, потому что нравственность остается нравственностью пока ее константы, заповеди, нормы воспринимаются и исполняются как нечто абсолютное. А это возможно, пока они имеют сакральное значение. Напротив, нравственность, оторвавшись от своей духовной основы,

подобно растению, оторванному от своих корней, угасает. Святейший Патриарх Кирилл утверждает: «Если разрушается Богом данный нравственный закон, если он удаляется из общественных отношений, то люди перестают быть способными организовываться в общества – любые общества, будь то семья, трудовой коллектив, государство» (3).

Сознание и самосознание – важнейшие духовные характеристики человека и общества, которые прежде всего формируются в пространстве духовного бытия человека. Их важнейшая составляющая – мировоззрение. Самое главное: мировоззрение не дается, оно создается. В этой связи вопросы: кем? и как?

Идеология. Парадокс, но едва ли не каждое новое политическое движение, едва ли не каждая новая политическая партия в России сегодня заявляют: «мы против идеологии. Это в СССР была идеология, а нам идеология не нужна!». Но в том-то и дело, что идеология это центральный момент мировоззрения, это самосознание мировоззрения, это осознание человеком и обществом самого сокровенного смысла своего бытия в мире, осознание своей предназначенности в мире. Именно идеология и даёт ответ на вопрос: то что мы имеем; то, что мы делаем – это хорошо или плохо? Мы имеем христианскую духовность – это хорошо или плохо? Мы имеем христианскую нравственность – это хорошо или плохо? И если это хорошо – значит люди её сохраняют и развивают. А если плохо – отвергают. Поэтому ни одно общество не может жить без идеологии. Современная Европа живет без идеологии? Современная Америка живет без идеологии? А разве современная Россия живет без идеологии? Конечно же, нет. И современная Россия тоже имеет свою, пусть и очень неадекватную идеологию. Поэтому идеология является важнейшим духовным компонентом общества, и она также должно изучаться теологией.

А это предполагает знание всего пространства культуры, и прежде всего культуры на уровне духовно-нравственной матрицы общества, которое совершенно непонятно вне христианской традиции и которое должно в этой традиции пониматься. Выступая в МГУ, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «В основании любого общественного устройства находится некая система взглядов, философия, которая задает место человека в мироздании, определяет его отношения с вечностью, его обязательства по отношению к ближним, к другим людям. Фундамент европейской цивилизации, частью которой является Россия, зиждется на двух краеугольных камнях: на греко-римской традиции философского осмысления мира и на библейском откровении. Творческий синтез того и другого мы находим у раннехристианских писателей, трудившихся в течение первого тысячелетия, которых мы называем святыми отцами; некоторые авторы и в средние века продолжали ту же традицию. Святоотеческий синтез соединял античные знания, античную науку и богословское ведение, основанное на божественном откровении. Этот синтез поддерживался системой образования Римской империи как в западной, так и в восточной ее части — в Византии. Именно Православие и распространяемая им ученость и книжность включили Русь, а затем и Россию, в культурную традицию империи ромеев.

Являясь культурными и духовными преемниками Византии, мы вместе с тем на протяжении веков стремились бережно сохранять свою славянскую самобытность. Цивилизация, фундамент которой был заложен гением и трудами святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, и сегодня жизнеспособно соединяет европейское культурное и интеллектуальное наследие с православной духовностью и славянским мироощущением» (3).

Не менее важный вопрос о том, как реализуется «Божья правда» в мире? Святейший Патриарх Кирилл отметил важнейший аспект этой реализации: «Миссия государства, таким образом, состоит в поддержании правды; в своих действиях оно призвано руководствоваться естественным законом. Государство является не источником естественного закона, но только его интерпретатором; оно решает, как вечный нравственный закон должен преломляться в данной эпохе и в данной культуре, в том числе и через систему законодательства. В рамках этого, традиционного для русской (и европейской в целом) культуры подхода, если 95 % населения в соответствии со всеми легальными демократическими процедурами проголосуют за истребление остальных 5 %, то это все равно будет беззаконие, потому что закон, запрещающий отнимать невинную жизнь, установлен не государством и не людьми вообще, и никакие национальные или международные человеческие институты не могут его отменить. Задача государства — опираясь на Богом данный нравственный закон, таким образом интерпретировать его в соответствии с местом, временем, культурой, чтобы нравственное начало через действие законодательства укреплялось в жизни личности и общества» (3).

Ценностно-смысловая сторона бытия человека и общества. Замечательный российский мыслитель А.С. Панарин указал на важнейший смысл существования русского народа: «Не племенное чувство и не имперская гордыня скрепляли идентичность русских людей московского периода, а православный идеал священного царства, основанный на высшей правде и жертвенном служении святой апостольской вере» (5).

Информация – это пространство знания и представления в самом широком смысле этого слова. В последнее время информация не только расширяется до невероятного объема, но и обретает какое-то колоссальное значение в жизни общества.

Таким образом, существует реальное онтологическое духовное пространство, которое является определяющим фактором бытия общества и человека и обладает невероятной силой действия. При этом определяющее значение в этом пространстве, при всей неочевидности этого факта, занимает духовное начало. Казалось бы, какое значение имеет тот факт, что люди перестали молиться Богу, или стали поклоняться идолам? Но, парадокс, - как только начинает угасать или деформироваться духовное начало, начинает уходить добро и правда из нравственной сферы жизни общества и человека; искажаться сознание и самосознание; сводится к нижним уровням существования человека мировоззрение; понижаться, вплоть до примитивизации, идеология; терять содержание и смысл информация; деформироваться ценностно-смысловое начало. Воистину соль перестает быть солью.

Не менее важным, нежели определение предмета изучения теологии является вопрос его метода. В науке основным является аналитико-функциональный способ постижения реальности; способ, который, начиная с Декарта отработан до уровня технологии.

Однако в этом методе есть серьезный изъян – он не может познавать целостное явление. Например, он берёт живой организм и препарировывает его на множество частей и функций. И в этом анализе он доходит до физики. Но в этой устремленности в глубину он неизбежно и исходно уходит в химию, а затем в физику, в математику, то есть все дальше от жизни. Проще говоря, сам метод научного познания уводит нас от понимания жизни как таковой. Конечно, можно сказать: наука уже гены конструирует. Но это наука конструирует или же она воспроизводит то, что кто-то сконструировал? Да, наука

воспроизводит, пусть даже и живое – но при этом по-прежнему не отвечает на вопрос: «Что такое жизнь?» И соответственно, мы по-прежнему так и не понимаем, что такое жизнь. А может быть, и все дальше уходим от этого понимания.

И это же сведение понимания явления к его более низшим состояниям мы видим и в познании человека, и в познании социума. И уместно спросить: а разве сам способ теоретизирования современной науки здесь не причём? А если этот метод не адекватен познанию целостных явлений, то уместно спросить: а нет ли у человечества способа целостного познания мира?

По крайней мере, православие может предложить святоотеческий способ познания мира. Причем вот уже две тысячи лет православные мыслители познают мир в рамках этого видения. И оно, начиная с апостолов, сформировало своё особое видение мира, в основе которого лежит Божественное Откровение: Священное Писание и Священное Предание. Поэтому этот способ познания мира также имеет право на существование.

Признавая факт истинности и плодотворности этого метода познания, мы признаем и то, что современная православная теология начинается не на пустом месте. Это колоссальная, двухтысячелетняя история и традиция развития теоретического познания, изначально направленного на познание мира в его целостности.

В свете сказанного очевидно, что вопрос контроля в теологии – это вопрос ее самоконтроля, аналогичного самоконтролю в науке. Наука – это особый способ познания мира, способ, сохраняющийся исторической традицией. И что представляет собой наука вне этой научно-исторической традиции? И вот почему наука сама себя сохраняет и развивает лучших любых контролеров. И теология, имеющая двухтысячелетнюю историю своего развития, в том числе и свой, веками отработанный способ познания мира, также в состоянии развивать свою систему познания без внешнего контроля. Да и вообще, может ли быть эффективен внешний контроль за сферой, насчитывающей почти двухтысячелетнюю историю своего развития? Да и вообще плохо можно представить, чтобы с помощью контроля Игнатий Брянчанинов или Феофан Затворник написали свои бессмертные творения.

Таким образом, государство должно содействовать развитию теологии, придав ей значение важнейших теоретико-исследовательских проектов нашей страны, не потому, что оно готовит кадры для Церкви, – Церковь для себя и сама кадры подготовит, а чтобы знать и развивать духовную сферу, духовный и нравственный потенциал человека и общества, которая является определяющей для жизни человека и социума, государства, народа, обороны, культуры, образования. Поэтому государство должно вносить необходимые средства на его сохранение и развитие, в том числе и на развитие этих исследований.

В этой связи уместно сказать и о том, что современное общество имеет множество престижных научных наград и премий, начиная с Нобелевской. Но среди них до сих пор нет престижных премий мирового уровня за исследования в области изучения социума и человека. И было бы разумно, если бы были учреждены три престижные премии: в области познания общества, человека и теологии.

Теперь возникает вопрос о взаимоотношении науки и теологии. Самое главное понять – эти сферы не противоречат друг другу в познании мира, а взаимодополняют друг друга. Поэтому они должны взаимодействовать, что позволит решать целый комплекс жизненноважных общечеловеческих задач от изучения фундаментальных проблем целостного развития мира (на основе его духовного понимания), проблем духовно-нравственного развития общества и человека, формирования мировоззрения и идеологии, в том числе и систем защиты духовного, нравственного, мировоззренческого, идеологического, информационного пространства человека и общества.

В этой связи следует сказать и о необходимости введения теологии как особого фундаментального предмета в общее высшее образование. Это особое, наряду с философским и научным, познание мира, она дает возможность ввести студентов в особое мировоззрение, в особое познание, в особое видение мира и поэтому она должна преподаваться в вузе.

В этой связи важно ответить и на вопрос: можно ли теологию заменить религиоведением? Безусловно, нет. Религиоведение – это комплексное философско-научное познание религии. Поэтому оно также не может заменить теологию, как эстетика не может заменить искусствоведение. Иное дело, что религиоведение должно взаимодействовать с теологией. Это важно для теологии. Но еще важнее для самого религиоведения, которое в этом случае получает мощнейший импульс своего развития, а самое главное – осмысленный вектор своего развития.

Конечно, нельзя не замечать, что когда религиоведение получило свободу, то к сожалению, это обернулось тем, что нередко от имени религиоведов стали выступать люди, деятельность которых направлена на борьбу с православием, православной культурой и православным образованием; на продвижение в общество нетрадиционных религиозных сект, в том числе и тоталитарных. Понимая, какое тяжелое значение деятельность этих структур имеет для общества, надо, чтобы религиоведение как можно скорее избавилось от такого рода деструктивных деятелей.

Говоря же о развитии собственно теологии как особой сферы познания мира, надо указать, что необходимо создание, с одной стороны, теоретико-исследовательских структур, способных решать проблемы от фундаментально-теоретических, включающих ответы на фундаментальные вызовы нашего времени до научно-практических; с другой – образовательных учреждений, которые должны готовить соответствующих специалистов-теологов для конкретных областей теологии.

Для создания общероссийского центра теоретических исследований не надо открывать многотысячные научные подразделения, – для этого достаточно создать центр, который мог бы скоординировать деятельность тысяч реально работающих православных ученых в целостную научную структуру, а их исследования – в единое теоретическое пространство.

Как организовать эту работу? Необходима совместная работа Церкви, государства и науки. Следует сказать –этим познанием специально занималось прежде всего монашество. Но не только монахи и священники внесли свой вклад в развитие богословия. Не в меньшей мере и светские деятели, вспомним имена А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского, С.А. Рачинского и т.д.

Вторая сторона этой же проблемы – подготовка необходимых кадров для сферы теологии, – от специалистов с высшим образованием до специалистов высшей квалификации.

Каким должно быть теологическое образование? В соответствии с Болонским соглашением, теологическое образование в России переходит к двухуровневой организации. При том, что двухуровневая система в ее нынешнем виде ведет к ухудшению высшего образования в целом, и теологического в том числе. Это прежде всего связано с потерей фундаментализма, без чего высшее образование немислимо.

Возможно ли существенное совершенствование высшего образования в рамках двухуровневой системы? Да, возможно. Для этого надо понять, что в современном высшем образовании фактически складывается три важнейших блока: общее; общее профессиональное и специальное профессиональное образование.

Общее образование – это завершающий этап общего образования. Сегодня оно представлено в высшем образовании совокупностью предметов от физической культуры до философии. Это необходимый этап развития общего образования, его логическое завершение. И в то же время это необходимая ступень, основа развития высшего образования. Поэтому необходимо понять, какой должна быть система общего образования и каким должен быть оптимальный комплекс предметов этого блока, соответствующих требованиям современного высшего образования.

Не менее важно сформулировать идею создания фундаментального высшего общего профессионального образования. На уровне теологии это означает и то, что общее профессиональное теологическое образование не должно быть привязано к подготовке пастыря. Оно должно дать именно общее теологическое образование, причем это, с одной стороны, общее профессиональное образование, а с другой – это тот базис знаний, который должен стать основой будущей специальной подготовки.

Конечно, и на уровне бакалавриата должна быть специфика в учебных планах, например, семинарии должны преподавать свои специфические предметы; вузы – свои. Но в целом, – это единое общее профессиональное теологическое образование, дающее основу для специального образования. Специфика же образования, подгонка того или иного образовательного учреждения под определенную потребность должна осуществляться на уровне других компонентов образования, и на уровне организации образования в целом.

Вторая ступень высшего образования – магистратура дает фундаментальное специальное профессиональное образование. Недосток современного высшего образования России состоит в том, что четко не определена миссия магистратуры, которая, видимо, заключается в идее: магистратура – это форма фундаментального специального профессионального образования.

В теологическом образовании на уровне магистратуры такими специальностями могут стать: история Церкви, пастырская подготовка; педагогическая подготовка; психолого-антропологическая подготовка, теоретико-исследовательская подготовка, экспертно-аналитическая подготовка и др. И они могут реализовываться в разных образовательных учреждениях. На уровне магистратуры возможен переход из семинарий в вузы и наоборот.

Итак, мы очертили только общую структуру высшего теологического образования. Из этой структуры вытекает учебный план. Но учебный план еще не определяет качество теологического образования. Учебный план – это только скелет образования. Но, подобно тому, как в живом организме скелет имеет определяющее значение для организма, но сам по себе только задает схему живого организма, так и в образовании учебный план только задает его общие параметры функционирования. Нужно построение всех компонентов функционирования, и нужна живая организация, чтобы создать живое образование, формирующее человека.

На этой же ступени важно предусмотреть, чтобы во всех специальностях давали и педагогическую подготовку, поскольку в настоящее время педагогическая подготовка еще более значима, чем во времена К.Д. Ушинского, писавшего о педагогической подготовке священника: «Наши духовные пастыри сберегли для нас драгоценное сокровище; но сохранением чистоты догматов веры, вечным, неумолкающим служением алтарю не ограничиваются их обязанности: они должны вводить народ в таинственный смысл этих догматов и в нравственный храм христианства. Но для этого недостаточно одного служения алтарю и одной проповеди; к этому должно присоединиться и учение. Но кто хочет учить, тот должен быть не только христианским священнослужителем, но и христианским педагогом» (6, с.455).

В юридическом плане важно государственное признание дипломов всех уровней от бакалавра до доктора теологии, в каком бы учреждении человек не получал образование: духовном или светском.

Самая кричащая проблема новой специальности – ее материальное обеспечение. Дело в том, что на эту специальность, как правило, поступают люди из бедных или очень бедных семей, а на заочном отделении учатся в основном учителя и священники, – то есть люди с очень ограниченным достатком, и поэтому, необходимо государственное обеспечение этой специальности, а если и должна быть плата за обучение, то самой умеренной. Важна и стабильность финансирования теологического образования, для чего надо очень четко определить контрольные цифры приема на бюджетные места, хотя бы на десять лет вперед – по системе бакалавриат, магистратура, аспирантура. Только в этом случае будет возможно стабильное развитие теологического образования.

Система теологического образования должна быть завершена системой подготовки специалистов высшей квалификации. Современная двухступенчатая российская система подготовки кадров – кандидат и доктор наук – позволяет подготовить специалистов высшей квалификации и по теологии.

Но чтобы была возможна такая подготовка, нужно, чтобы как можно быстрее официально утвердить на уровне ВАК(а) специальность теология, в которой целесообразно выделить следующие направления: 1) общая теология; 2) история теологии; 3) теологические проблемы философии и науки; 4) теологические проблемы культуры; 5) теология и проблемы развития общества; 6) религиозная (конфессиональная) антропология; 7) религиозная (конфессиональная) педагогика.

Соответственно требуется учредить аспирантуру и докторантуру по теологическому образованию, что следует делать при теологических факультетах в университетах и духовных академиях.

В свою очередь это предполагает открытие соответствующих диссертационных советов. Правда, сегодня сформирована точка зрения, что поскольку теология – это не наука, то ВАК не должен этим специалистам официально присваивать соответствующие степени. Но в том то и дело, что ВАК – это не высшая научная истина в последней инстанции. ВАК – это государственный орган, который от имени государства определяет степень квалификации специалистов в самых разных областях знания и деятельности. Кандидат или доктор искусствоведения или культурологи – это что такое? Они специалисты высшей квалификации в своей области деятельности, и ВАК, своей экспертной оценкой от имени государства об этом свидетельствует. То есть он свидетельствует о том, что данный специалист достоин присвоения ему искомой степени кандидата или доктора теологии. А соответствующая служба Минобразования, свидетельствует, что данный претендент достоин присвоения ему ученого звания доцента или профессора по кафедре теологии. И это свидетельство подтверждает соответствующей бумагой.

Необходимо создание системы повышения квалификации и аттестации. А для этого следует предусмотреть и создание системы дополнительного образования. Дополнительное образование — гибкая система, позволяющая решать новые проблемы образования и особенно проблемы повышения квалификации и переподготовки кадров. Она должна выстраиваться и по вертикали, и по горизонтали, что должно предусматривать как повышение квалификации, так и получение новой квалификации, например, административная работа, дипломатическая работа. Пока эта форма теологического образования по-настоящему использовалась в течение последних 20 лет в целях подготовки кадров учителей к преподаванию религиозно-культурологических дисциплин.

Однако следует создать целостную систему дополнительного образования в разных образовательных структурах, готовящих кадры для сферы духовно-нравственного развития и воспитания, которая должна быть открыта для любого специалиста-теолога.

Таким образом, теологическое образование – это профессиональное образование изначально рассчитанное на подготовку специалиста для общества в целом, для структур так или иначе связанных с духовной сферой общества для подготовки преподавателей традиционных религиозных культур; научных кадров, специалистов для различных государственных и общественных структур, связанных с решением духовно-нравственных проблем общества и человека и т.д.

А в целом речь идет об оптимальном развитии духовно-нравственной сферы общества, что имеет определяющее значение для всей жизни общества.

Литература:

1. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. // Соч. в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 250-296.
2. Кант И. Спор факультетов / Сочинения: В 6 т. – М.: Мысль, 1966. – С. 311-348
3. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Речь на церемонии присуждения степени honoris causa Московского государственного университета. 28 сентября 2012 г. // [Электронный ресурс]: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html>
4. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Речь на церемонии открытия XVI Всемирного Русского Народного Собора. 1 октября 2012 г. // [Электронный ресурс]: <http://www.vrns.ru/documents/69/897/#.UpX4bZ80agQ>
5. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. // [Электронный ресурс]: http://www.patriotica.ru/religion/panarin_prav_.html
6. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании. Т.2. – М.–Л.: АПН РСФСР, 1948. – С. 425–488.